

**Отзыв д.ф.н. Т.А. Касаткиной**  
**на**  
**ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ СТАНДАРТ**  
**ОСНОВНОГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**  
**(НОВАЯ РЕДАКЦИЯ)**

Прежде всего нужно сказать, что предложенный стандарт – заведомо и изначально устаревший документ и с научной, и с методической точки зрения. К настоящему моменту он устарел примерно на 40 лет.

Самое плохое, что делает предложенный стандарт – он предполагает, что нам известно все о смысле изучаемых текстов. Однако в области литературы мы изучаем нечто, что не может быть схвачено и зафиксировано как именно то, что откроется читателю в тексте. Предположение того, что это возможно, полностью убивает живой процесс чтения, читатель как бы может узнать, к постижению чего его приведет чтение, прежде самого чтения. А это вещь совершенно невозможная еще и потому, что при чтении текста каждый раз создается новая система «читатель-текст» - и эта новая система способна выявлять смыслы, абсолютно не учтенные при предыдущих чтениях иными читателями, - и упустить те смыслы, которые были выявлены ими. Эти смыслы потом могут быть добавлены – но они будут живыми лишь если их актуализируют в новой живой системе «читатель-текст», опираясь на те смыслы, которые оказались наиболее очевидными в ней самой. Иначе говоря, для разных читателей в текст будут разные точки входа – но если читателю попытаться навязать извлеченный из текста смысл до того, как он обнаружит свою точку входа, - связь с текстом вообще не будет установлена – и есть риск, что она не будет установлена уже никогда.

Таким образом, предложенный подход к преподаванию литературы, по сути, закрывает ученику доступ ко всем изученным внутри этого подхода литературным произведениям. И это не случайный, не зависящий от «плохих учителей», а закономерный итог такого изучения. Именно такой подход закономерно порождает идею «кратких пересказов» (почему нет – если смысл возможно вычленив в нескольких предложениях и сформулировать однозначно «тему», «проблему», «идею» произведения?), как порождает и идею «образцовых (именно по содержанию) сочинений».

При современном подходе «образцовым сочинением» должно считаться не сочинение, излагающее «общеустановленное» мнение о данном произведении, а сочинение, в котором доказательства текстом произведения соответствуют предложенным в нем авторским (автора сочинения) тезисам. Иными словами – сочинение, в котором автор внятно излагает и убедительно (то есть текстом произведения) доказывает свою мысль – вне зависимости от того, приходила ли эта мысль прежде в голову

литературоведам и методистам и была ли она принята как «правильная». То есть – проверяться должна внятность, логика и доказательность текста сочинения – а не его соответствие определенному, заранее известному проверяющим «содержанию».

Поэтому при формулировке текстов проверочных сочинений должна фиксироваться либо тема (а произведение, соответствующее теме, ученику должна быть предоставлена возможность выбрать самостоятельно), либо произведение (а тему, ракурс, в котором он будет рассматривать данный текст, ученику должна быть предоставлена возможность сформулировать самостоятельно) – для того, чтобы в темах сочинений не фиксировалось якобы заранее и всем известное одно общее «содержание».

Особого разговора требует «список».

Список, подобный предложенному в стандарте, может быть предложен лишь как ограничительный (в смысле – учитель имеет возможность выбрать произведения для изучения лишь из него – и тогда его нужно делать именно списком «золотого фонда» российской и мировой словесности – и не включать туда массу совершенно проходных и необязательных текстов, которые включены в предложенный список) – но не как обязательный. Поскольку для прочтения и исследования на уроках произведения (то есть – для научения настоящему чтению) нужно гораздо больше времени, заложенного, в том числе, на неоднократное чтение текста, являющееся необходимым условием понимания, чем для «прохождения» произведения, чьи «тема», «проблема» и «идея» известны заранее – и учеников нужно лишь подключить к месту хранения этого всеобщего знания.

Кроме того, для научения пониманию нужен учитель, сам создающий свою программу с учетом собственных интересов и интересов учеников, поскольку отнюдь не по отношению к любому произведению учитель наиболее склонен и способен быть проводником – а склонность и способность в этом случае – важный параметр работы.

Например, в Италии, внутри Болонской системы, учителям с 2010 года дано право формировать и заявлять в начале учебного года собственную программу по литературе на год – и проверяющие органы и принимающие экзамен сторонние сотрудники будут обязаны проводить проверку именно по заявленной программе. В программе может быть заявлено три крупных текста мировых авторов первого ряда (например, Мандзони, Леопарди и Достоевский) – и это всех устроит, поскольку обеспечит преподавание литературы именно как науки понимания, а не как странного конгломерата априорных знаний, для усвоения которых вообще нет надобности читать сами литературные произведения.

Кстати, в рецензируемом стандарте написано: «В течение первого года ученик научится определять свои читательские предпочтения» - интересно, зачем, если с ним

никто не собирается консультироваться при определении того, что ему дальше читать в рамках программы? Лучше бы ему тогда не задумываться о своих «читательских предпочтениях» - проще будет читать то, что ему предложили – а вернее сказать – навязали.

В стандарте масса вопиющих частных, которые нет смысла разбирать, поскольку он не годен в целом, но на одну я все же укажу. Уже все, кажется, обратили внимание на жуткую формулировку: ««Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях». Нравственное противостояние коварной царицы и кроткой царевны». Я хочу обратить внимание на другое – эта формулировка заканчивается словами: «Неизбежность победы добра над злом». А вскоре мы встречаем аналогичную формулировку: «Нравственное противостояние Герасима и барыни», но без завершающей фразы – ибо тут уже победа добра над злом становится не так неизбежна. Стандарт предлагает сформировать у ребенка на основе пушкинской сказки (которая совсем не об этом, как и вообще сказки – даже с хорошим концом) некое важное нравственное убеждение, которое очень скоро, столкнувшись с текстами того же стандарта, не выдержит проверки. С воспитательной точки зрения это выглядит как какая-то прямая диверсия.

В начале новой темы в стандарте всегда идут «сведения о жизни и творчестве писателя». Но с этого *методически* нельзя начинать – у детей еще не появилось интереса к жизни и творчеству данного писателя, а отсутствие заинтересованности и запроса резко снижает способность к восприятию новой информации. Сначала нужно читать текст – и потом обращаться к «жизни и творчеству» - по мере возникновения интереса и запроса читателей. К сожалению, мы не только вообще учим ребенка без его запроса – но мы и в конкретных случаях, когда можно было бы сориентироваться на порядок возникновения интереса и мотивации к познанию, не хотим идти за интересом, а непременно пытаемся заставить изучить что-то прежде возникновения интереса.

Стандарт предлагает: «рассматривать конкретное произведение в рамках единого историко-литературного процесса (принадлежность произведения к определенному литературному направлению или течению (классицизм, сентиментализм, романтизм, реализм)» так, словно это ясные и очевидные вещи. Между тем, для современной филологии – это нерешенные проблемы. Особенно это касается романтизма и реализма. Каким образом мы можем предлагать к изучению в качестве несомненного знания что-то, что радикально проблематизировано современной наукой? И каким образом мы можем рассматривать произведение внутри историко-литературного процесса при крайне неполном представлении учеников об этом процессе – на основе предложенного списка? Стоит ли предлагать в качестве целей обучения то, что заведомо останется

неверифицированным знанием для ученика, знанием, весьма проблематичным и для современной науки?

Особенно проблематично положение в стандарте теории литературы, закрепляющее нынешнее положение дел: теории, предстающей в программе странными включениями, или не имеющими отношения к сущностному разговору о тексте и потому почти игнорируемыми, или уводящими от сущностного разговора ко всеобщей досаде.

Теория есть не то, что можно наложить на текст сверху для его деления на конструктивные части или для его включения в ту или иную классификацию. Теория есть, в соответствии с исходным значением греческого слова, *прозрение* существа вещи – и способность сказать об этом существе. Следовательно, теория – это оформление прозрения в языке. Для разного типа прозрений выстраиваются разные ряды терминов, которые не важны сами по себе, а необходимы лишь как *инструмент* разговора о тексте в том или ином ракурсе. Теории меняются в зависимости от того, как и в каком ракурсе ведется разговор о тексте – читателем, исследователем, эпохой. Поэтому теоретические знания не должны вкрапляться в текст учебника/программы/стандарта как нечто, что нужно заучить и применить – теоретические термины должны *подсказываться* учащемуся, когда он пытается говорить о тексте – и ему не хватает слов для точного и удовлетворяющего его говорения. И, возможно, актуальнее для работы с текстом на данном этапе будет вовсе не термин «жанр», а термин «концепт», вообще не включенный в изучаемую ныне в школе «теорию литературы».

В качестве заключения могу повторить то, что сказано мною вначале – стандарт предлагает заведомо устаревшие ориентиры – научные и методические для изучения литературы в школе, поэтому он не может быть доработан. Требуется совсем другой документ.

Д.филол.н. Татьяна Александровна Касаткина

